№ 148 Четвергъ, 15-го декабря 1905 года. Годъ изданія 66. № 148

МОГИЛЕВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Подписка принимается въ Могилевѣ—въ губернской типографіи, въ магазинѣ общества потребителей, и въ книжныхъ магазинахъ Сыркина и Іоффе, писчебумажныхъ магазинахъ де-Ноткина и І. Л. Шика, и въ парфюмерномъ магазинѣ Зальдберга. Розничная продажа производится тамъ же. Въ Гомелѣ подписка и розничная продажа «Мог. Губ. Вѣд.» производится въ кн. магазинѣ Захарьина, въ Оршѣ въ кн. маг. Подземскаго и въ другихъ городахъ въ книжныхъ магазинахъ.

За частныя объявленія, помѣщаемыя въ «Губ. Вѣд.» назначена плата отъ строки петита въ столбцѣ: за 1 разъ 10 к., за 2 раза 16 к. и за 3 раза 20 коп.,

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ,

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Газета общественная и литературная.

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

свыше-же 3 разъ по 5 к. за каждый разъ и каждую строку петита въ столбцѣ, а за объявленія передъ текстомъ плата удваивается.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 1) На газету «Могилевскія Губернскія Вѣдомости изданіе второе» цѣна 4 рубля въ годъ (для сельскихъ обществъ, начальныхъ сельскихъ училищъ и духовенства 3 руб.), на полгода 2 руб. (для сельскихъ обществъ, начальныхъ сельскихъ училищъ и духовенства 1 р. 50 к.) на три мѣсяца 1 р. 50 к.

2) На оффиціальное изданіе «Могилевскія Губернскія Вѣдомости» (1 разъ въ недѣлю) 3 рубля въ годъ.

3) На оба изданія вмѣстѣ 6 руб., на полгода 3 руб., на три мѣсяца 2 р.

По соглашенію Могилевскаго Губернатора съ Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и Епархіальнымъ Преосвященнымъ, второе изданіе «Мог. Губ. Вѣд.» допущено къ обращенію въ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ Могилевской губ.

Агентскія телеграммы сегодня редакціей не получались.

Замѣтка.

Въ послѣднее время неизвѣстно кѣмъ и съ какою цѣлью распространяются слухи, будто-бы крестьянское населеніе Могилевской губерніи отказывается вносить окладные сборы. По собраннымъ нами въ казенной палатѣ даннымъ оказывается, что по 1 декабря 1904 г. окладныхъ сборовъ по губерніи поступило 1.237.000 руб., а по 1 декабря текущаго 1905 года—1.153.000 р., т. е. на 84 тысячи меньше. Такая ничтожная разница, объясняемая, быть-можетъ, не вполнѣ удовлетворительнымъ урожаемъ, можетъ къ концу года еще уменьшиться и во всякомъ случаѣ опровергаетъ слухъ объ отказѣ отъ уплаты сборовъ.

Какъ намъ думать и что намъ дѣлать.

Разные краснобаи говорятъ рѣчи и, неправильно толкуя Высочайшіе манифесты, смущаютъ народъ. Живя въ деревнѣ около 25 лѣтъ и сроднившись съ ея интересами, не могу спокойно относиться къ тому, что наилучшія, клонящіяся ко благу народа, распоряженія нашего Государя, превратно истолкованныя, могутъ повести къ броженію умовъ и безпорядкамъ, а потому, по мѣрѣ своихъ силъ, постараюсь здѣсь объяснить: 1) Высочайшія предначертанія, какъ я ихъ понимаю, и 2) какъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ поступать. До Бога высоко, а до Царя далеко, говоритъ пословица. И вотъ, чтобъ не было до Царя далеко, Батюшка—Государь нашъ пожелалъ, чтобъ мы выбрали отъ себя представителей и послали ихъ въ государственную думу, дабы выбранныя нами лица могли обсудить и высказать, что у насъ хорошо и что плохо. Кромѣ этого наши представители будутъ разсматривать, сколько и какъ собираются съ насъ деньги, правильно-ли и какъ онѣ расходуются на нужды государственныя. Можетъ быть мы найдемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ многое излишне обложено, что нѣкоторыя сословія платятъ черезчуръ много, и, наоборотъ, найдемъ нужнымъ дополнить нѣкоторыя обложенія и учредить новые налоги, сообразно съ доходомъ и заработкомъ каждаго изъ насъ. Чтобы въ такомъ большомъ государствѣ, какъ наше, всѣ могли сговориться и столковаться и чтобы выбранные нами въ думу представители знали, чего хотятъ на нашей родинѣ, и какъ тѣ или другіе вопросы толкуются разными лицами, Государь нашъ разрѣшилъ свободу слова и печати, т. е. чтобы каждый свободно говорилъ и писалъ, что найдетъ нужнымъ для блага своей страны. Въ каждомъ частномъ хозяйствѣ есть хорошіе и дурные управляющіе и слуги. Держава наша—великое, необъятное хозяйство. Государь нашъ пожелалъ, чтобъ всѣ слуги Его, въ сношеніяхъ съ народомъ, не мѣшали народу высказывать всѣ свои желанія и нужды, а чтобъ народъ не боялся всего этого высказывать, Онъ далъ намъ свободу личности, а именно: никого нельзя за его убѣжденія и слова арестовать или наказать безъ рѣшенія суда. Входя въ интересы всего Своего народа, Государь нашъ пожелалъ, чтобъ всѣ сословія и всѣ классы населенія имѣли своихъ представителей въ государственной думѣ, причемъ крестьяно—землевладѣльцы, по положенію о государственной думѣ, имѣютъ сравнительно съ другими сословіями, большія преимущества въ количествѣ выборныхъ. Какъ въ частныхъ малыхъ хозяйствахъ, такъ и въ большомъ государственномъ хозяйствѣ, каждая отрасль имѣетъ своего начальника, отъ котораго и зависятъ его подчиненные. Если начальникъ плохъ, то и отрасль его идетъ плохо. Въ государствѣ каждой отраслью хозяйства завѣдуетъ министръ, отъ котораго зависятъ подвѣдомственные ему чиновники. И вотъ Государь даровалъ еще особую милость намъ, а именно: въ случаѣ наши представители найдутъ, что въ какомъ либо министерствѣ что либо дѣлается плохо, то предавать министра отвѣтственности. Слѣдовательно, каждый представитель народа вправѣ открыто заявить обо всѣхъ злоупотребленіяхъ, какія дѣлаются чиновниками, и если начальникъ этихъ чиновниковъ, т. е. министръ, не обратитъ на это вниманія, т. е. будетъ злоупотреблять и не слѣдовать указаніямъ представителей нашихъ, то таковой министръ будетъ подвергнутъ, государственной думой, отвѣтственности. Какъ не разумно сломать старую избу, не построивъ еще новой, и этимъ оставить себя совсѣмъ безъ крова, такъ и въ государствѣ: нельзя, не создавъ новыхъ порядковъ, сразу уничтожить старые; не выбравъ новыхъ лицъ, не учредивъ новыхъ должностей—не подчиняться прежнимъ начальствующимъ лицамъ и прежнимъ учрежденіямъ. Поэтому Государь нашъ, любя народъ Свой и родину Свою, пригласилъ всѣхъ Своихъ вѣрноподданныхъ, бросивъ смуты и междоусобія, подчиняться пока безпрекословно начальствующимъ лицамъ стараго порядка, а тѣмъ временемъ, сообща, всѣмъ сословіямъ выбирать спокойно своихъ представителей въ государственную думу, которая, создавъ новые порядки, постепенно упразднитъ все то, что представители наши найдутъ плохимъ и требующимъ измѣненія. —Изложивъ, какъ я понимаю, дарованныя намъ Государемъ милости, высказываю свое мнѣніе, какъ намъ слѣдуетъ теперь поступить: благодарить Государя нашего за дарованныя милости и доказать не словомъ только, но и дѣломъ, что и мы достойны дарованныхъ намъ правъ; наблюдать за благочиніемъ и порядкомъ; оправдать довѣріе Государя и этимъ показать себя разумными гражданами, способными къ самоуправленію, а отнюдь не высказывать себя людьми, среди которыхъ можетъ быть порядокъ только при содѣйствіи строгихъ мѣръ. Это-же время, т. е. то время, которое потребуется для избранія нашихъ представителей и до рѣшенія ими, представителями, тѣхъ или другихъ насущныхъ вопросовъ—есть пробное испытаніе для насъ, провѣрка, достаточно-ли мы развиты, чтобъ разумно пользоваться свободой слова и личности. Уважая себя и свои права, мы должны уважать также права другихъ лицъ и признать своею обязанностью, пока еще ни что новое не установлено и поставленныя начальствующія и должностныя лица не замѣнены другими, помогать этимъ лицамъ въ поддержаніи общаго государственнаго и правового порядка. Затѣмъ мы должны крайне серьезно отнестись къ предстоящимъ выборамъ своихъ представителей: не выбирать людей, которые умѣютъ только хорошо говорить, а ни народа, ни нуждъ его не знаютъ. Надо выбирать честныхъ, серьезныхъ, дѣльныхъ людей, съ житейскимъ опытомъ, изъ своей среды, знающихъ нужды той среды, изъ которой они выбраны; указать имъ то, о чемъ они должны ходатайствовать въ государственной думѣ, т. е., чтобы они дѣйствовали въ думѣ, не по своему личному усмотрѣнію, а имѣли бы отъ своихъ довѣрителей указаніе и порученія. Все это нужно обсудить толково и хладнокровно, собираться въ опредѣленныхъ мѣстахъ и обсуждать все, [illegible] взаимную свободу слова и чужія мнѣнія. Необходимо собираться вдали отъ винныхъ лавокъ, не допускать на собраніе лицъ только что посѣтившихъ эти лавки, и собираться по деревнямъ, а не въ мѣстечкахъ, гдѣ могутъ имѣть дурное вліяніе наѣзжіе краснобаи и вообще лица, имѣющія на умѣ свои интересы, а не благо нашей родины и спокойствіе нашего Государя. Относиться къ печатнымъ воззваніямъ и словамъ, вдумываясь въ то, что читаемъ и слушаемъ, памятуя, что есть люди добрые и злые, умные и глупые, есть люди пишущіе и говорящіе правду и есть люди пишущіе и говорящіе неправду, употребляющіе во зло дарованную свободу слова. Жить своимъ, а не чужимъ умомъ и помнить долгъ свой передъ Богомъ, Государемъ и Родиной. Помнить, что люди, внушающіе намъ насилія и бунты, какъ средства для достиженія благополучія, этимъ издѣваются надъ нашей русской довѣрчивостью, и надо молить Господа Бога, чтобъ Онъ не допустилъ насъ оправдать издѣвательства тѣхъ людей, которые смотрятъ на крестьянъ, какъ на стадо, которое приноситъ имъ выгоды. Какъ русскій человѣкъ, сынъ своего Отечества и братъ вамъ по крови, еще разъ даю вамъ послѣдній совѣтъ: помните, что не кулакомъ, насиліемъ и неправдой можно всего достичь, а наоборотъ: спокойствіемъ, разсудительностью и трудомъ. Приложимъ-же всѣ силы къ тому, чтобъ водворилась у насъ тишина, такъ-какъ, въ противномъ случаѣ, сосѣдніе государства могутъ воспользоваться этимъ и начать отнимать нашу землю русскую, добытую вѣками, и будемъ мы тогда учить въ школахъ дѣтей нашихъ не тому, какъ собиралась земля русская дѣдами и прадѣдами нашими, а какъ мы сами роздали ее своими смутами.

Помѣщикъ Н. Д. Хлюстинъ.

Могилевъ губ. 1905 г.

Наши времена.

Удивительное для посторонняго наблюдателя состояніе умовъ переживаетъ русское интеллигентное общество въ послѣдніе годы. Извѣстный укладъ жизни, связанный съ выработанными нашимъ народомъ юридическими нормами, даже нельзя сказать, чтобы отжившими и у другихъ народовъ, предается у насъ всеобщему разрушенію, размѣры и число случаевъ котораго увеличились до того, что мы перестаемъ понемногу ужасаться даже необычайному насилію надъ личностью, яко бы во имя свободы той-же личности и чисто вандальскому уничтоженію чужого имущества. Все, что такъ или иначе соприкасается съ нынѣшнимъ освободительнымъ движеніемъ, представляетъ собою невообразимую раздвоенность въ понятіяхъ и чувствахъ. Пышный флагъ цивилизаціи, которымъ такъ шумно гордилось человѣчество, постепенно блекнетъ у насъ, уступая мѣсто альтруистическому флагу, прикрывающему низменныя цѣли крайняго эгоизма.

Въ самомъ дѣлѣ, вглядываясь въ окружающую насъ жизнь, встрѣчаешься съ цѣлою цѣпью странныхъ противорѣчій. Напр., испортилъ А. вещь, принадлежащую Б; послѣдній подаетъ жалобу и А. приговаривается къ взысканію. Но стоитъ лишь собраться подобнымъ А, въ числѣ 50—100 человѣкъ, какъ уже само общество признаетъ безнаказанность виновныхъ, и нарушенныя въ большихъ размѣрахъ права частной собственности не возстанавливаются. Слышны возмущенные отдѣльные, безсильные голоса; усердные-же поборники освободительнаго движенія считаютъ это проявленіемъ чего то стихійнаго. Добиваются люди свободы, а на улицѣ, въ общественныхъ мѣстахъ уже бьетъ большой струей наглость, которую испытываютъ на себѣ не только представители войска, эта опора закона, но и обыватель. Всюду въ мірѣ зрѣлый народный разумъ ставитъ подрастающему учащемуся поколѣнію національныя задачи труда... а у насъ педагоги да и родители наперерывъ стараются копировать Простакову. Естественное желаніе родителей образовать своихъ дѣтей, подготовить ихъ къ трудной жизненной дѣятельности теперь какъ то уродливо перешло въ состояніе, при которомъ съ помощью педагоговъ тѣ же родители—поощряютъ своихъ неразумныхъ дѣтей не учиться, пріучаютъ къ верхоглядству и крайне легкому отношенію къ тѣмъ вопросамъ, за ошибки въ которыхъ придется расплачиваться впослѣдствіи дорогою цѣной.

Въ воздухѣ стонъ стоитъ отъ требованій всевозможныхъ свободъ, а обыватель уже чувствуетъ на себѣ нестерпимый гнетъ поборниковъ свободы, трепеща за свою жизнь и за цѣлость своего очага. Мирное населеніе столицъ и городовъ лишь подъ охраною войскъ можетъ вздохнуть отъ тяжелаго гнуснаго кошмара насилія со стороны вооруженныхъ темныхъ людей, а представители полурусской печати требуютъ удалить войска и выдать населеніе на милость какихъ то невѣдомыхъ комитетовъ, организованныхъ и вооруженныхъ для преслѣдованія крайнихъ партійныхъ цѣлей. Требуютъ уничтоженія правительсвенной цензуры, а въ то же время въ Москвѣ появилась уже какая-то подпольная цензура, запретившая отпечатать воззваніе извѣстнаго Москвѣ почтеннаго русскаго дѣятеля. Усиленно добиваются свободы печати какъ органа общественной совѣсти и разума, но мы видимъ, что уже совершенно свободная печать, попавшая не въ чисто русскія руки, постепенно, но въ короткій срокъ, заполнена клеветой и ложью не на пользу коренного народа, строителя земли русской.

Полная оторванность большей части русской интелигенціи отъ коренныхъ основъ русскаго народа не составляетъ вопроса даже для иностранцевъ и та же интелигенція всюду выставляетъ своимъ девизомъ борьбу за русскій народъ, ведя его, однако къ утопіямъ чисто космополитическаго свойства. Да и въ этомъ вопросѣ соблазняя народъ захватомъ земли при всеобщемъ пожарѣ и уничтоженіи помѣщичьихъ усадебъ съ инвентаремъ, они забастовками ведутъ того же крестьянина къ объдненію въ смыслѣ оборотнаго капитала, что вызоветъ приливъ въ деревню спеціалистовъ по ростовщичеству и новое закабаленіе крестьянства.

Грозные признаки пробужденія желтой расы уже не подлежатъ сомнѣнію, бѣдствія отъ столкновенія съ которыми мы уже испытали на своей государственной независимости, а въ Москвѣ, этой древней столицѣ русскаго народа, едва-ли не самозванный крестьянскій съѣздъ, а съ нимъ и многіе изъ такъ называемыхъ передовыхъ людей и отчасти члены послѣдняго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, требуютъ уничтоженія нашей постоянной арміи и слащаво взываютъ къ западнымъ народамъ о всеобщемъ мирѣ, обрекая Россію на порабощеніе западнымъ или восточнымъ сосѣдямъ (да и міръ ислама также начинаетъ просыпаться не на радость христіанскимъ народамъ).

Эта слѣпая и безразсудная вражда къ своей собственной арміи, какъ защитѣ политической независимости, и требованіе замѣны ея милиціей построены на предположеніи, что сосѣдніе народы послѣдуютъ указаніямъ призыва къ общему миру,—что въ настоящее время борьбы за рынки слѣдуетъ признать наивностью, или на расчетѣ, по примѣру французскихъ революціонныхъ войнъ, что массы милиціи способны противостоять регулярнымъ арміямъ внѣшняго врага. Но вѣдь сходство здѣсь можетъ быть лишь кажущееся, такъ какъ техника современнаго вооруженія и подготовка къ боевымъ дѣйствіямъ дадутъ возможность регулярной арміи врага въ короткій срокъ снести недостаточно вооруженныя, а главное плохо обученныя милиціи.

Однимъ словомъ всюду видишь, что нѣсколько простыхъ и понятныхъ желаній сопровождаетъ цѣлый рядъ такихъ противорѣчивыхъ понятій и дѣйствій, какъ будто здравый смыслъ находится въ бѣгахъ. Многое изъ нашей общественной жизни подводится подъ понятіе психоза, чего то эпидемическаго и этимъ какъ бы оправдывается. Если такъ, то и это не къ чести русскаго ума: по законамъ заразы, ей подвержены слабѣйшіе организмы, неспособные противостоять болѣзни и бороться съ ней, а слѣдовательно и психику нашего общества надо признать слабою...

И такъ, въ одно и то же время какіе то отвлеченные порывы вверхъ и самое дикое проявленіе нетерпимости даже къ голосу чисто русскаго чувства и къ требованіямъ самыхъ примитивныхъ условій совмѣстной жизни людей. Очевидно, во всемъ этомъ лежатъ корни слабой культурности того слоя, который однако только себя и считаетъ культурнымъ и отсутствіе того здороваго патріотическаго чувства, на почвѣ котораго у всѣхъ народовъ, безъ лжи и обмана, зарождается обыкновенно единеніе массы сельскаго населенія и его болѣе образованнымъ слоемъ. Легко понять, разумѣется, что не на зыбкомъ фундаментѣ такого состоянія ума и чувствъ русской интеллегенціи можно построить истинное благо русскаго народа и что не армія втягиваться въ этотъ сумбуръ, оставляя свои строго опредѣленныя функціи. Даже и тогда, если бы политическая жизнь народа шла при разумныхъ условіяхъ, армія, во имя ея боевой годности, должна стоять въ сторонѣ отъ политики, исполняя велѣнія своего Монарха.

И въ это то состояніе общества хотятъ втянуть нашу армію съ цѣлью расшатать ее. Кому однако это нужно?.. Конечно, не русскому народу, который тысячу лѣтъ устраивался въ особое русское царство, положилъ на это много труда и крови и грудью своихъ сыновъ отстаивалъ государственную независимость.

«Рус. Инв.». П. Яковлевъ.

Могилевскій губернскій комитетъ по дѣламъ земскаго хозяйства и народное образованіе.

Недородъ въ 1890—1892 г.г. хлѣбовъ и травъ и за нимъ, какъ слѣдствіе, голодовка, былъ тѣмъ громомъ, при ударахъ котораго проснулись русскіе люди, стали креститься и сообща думать думушку, чѣмъ и какъ прокормиться. Для этой цѣли въ пораженныхъ голодомъ мѣстностяхъ организовались комитеты, попечительства, заработали земства, общества, печать... Думали и гадали не только о томъ, что нечего ѣсть, но и отчего сіе. И вотъ на сцену выплываетъ агрономія. Въ одномъ изъ докладовъ комиссіи сосѣдней намъ земской—смоленской губерніи—о мѣрахъ къ улучшенію экономическаго положенія населенія—представлялось земскому собранію, что успѣшное проведеніе мѣръ къ улучшенію благосостоянія населенія можетъ быть достигнуто только въ средѣ, болѣе или менѣе развитой въ умственномъ отношеніи, такъ какъ несомнѣнно, что люди совершенно неразвитые руководствуются въ своей жизни рутиной и ко всему новому относятся съ крайнимъ недовѣріемъ. Всѣ тѣ мѣры, докладывала комиссія, которыя призваны наукой и опытомъ полезными, и о проведеніи которыхъ въ жизнь народа заботится правительство и земство, вслѣдствіе ихъ полезности, будутъ несомнѣнно приняты народомъ. Но вопросъ чрезвычайной важности заключается въ томъ, чтобы ускорить введеніе ихъ въ практику народа. Содѣйствовать этому ускоренію путемъ просвѣщенія—ближайшая задача земства. Поэтому во главѣ всѣхъ мѣръ къ улучшенію положенія народа должно стоять народное образованіе. Такъ думали земцы-смоленцы 15 лѣтъ тому назадъ; такъ всегда высказывалось единодушно, при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, вольное экономическое общество; такъ разрѣшали политическіе и экономическіе вопросы лучшіе передовые люди за сотни лѣтъ назадъ

о народномъ самоопредѣленіи и назначеніи ею культурнаго роста незабвенными должны быть слова: „покажите мнѣ ваши школы, — и я скажу, кто вы и что ваше будущее“. Реальный волхвъ. Что сказали при столкновеніи Франціи съ Германіей народныя школы Германіи, что сказала намъ въ войнѣ азіатка-Японія „иди поучись“. И это „поучись“ виситъ въ нашей жизни неразрядившимся электричествомъ. Шаблонно, какъ удоты, повторяя красивыя слова о необходимости, во-первыхъ, школъ, во-вторыхъ, школъ и, въ третьихъ, школъ и т. д., мы стоимъ чуть не на одномъ мѣстѣ, окутанные мракомъ, невѣжествомъ, хулиганствомъ, черными сотнями.....

Воспроизведенный комитетъ по дѣламъ земскаго хозяйства нашей губерніи въ первомъ же собраніи заявилъ свое прогрессивное настроеніе въ дѣлѣ народнаго образованія, увеличивъ ассигнованіе чуть не на 90% противъ прежняго. Но не столько важна была эта фактически проявленная комитетомъ готовность удовлетворить первую потребность народа, какъ важно становилось очевидное его стремленіе идти по извѣстному всѣмъ желанному пути, важно, что при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности импровизированное земство твердо сказало программу будущей работы „образованіе“, но безъ соблюденія традицій у насъ почему то не можетъ существовать ни одно учрежденіе. Выставивъ первымъ § работы образованіе, комитетъ принялся вырабатывать систему и планомѣрность организаціи образованія и школьнаго строительства въ связи со всѣми бытовыми существующими, и имѣющими создаться и существовать, условіями. Такое практическое рѣшеніе вопроса наиболѣе цѣлесообразно и не подвержено риску ошибокъ. Но цѣлесообразно оно не въ дѣлѣ осуществленія удовлетвореніемъ насущнѣйшей народной потребности, а въ предоставленіи возможности чинамъ и членамъ комитета судить, рядить да руками разводить, варьируя по всѣмъ угламъ сложности вопроса, сообразно выдвигаемымъ жизнію даннымъ.

Остановясь на необходимости выработки сначала сѣти и плана школьнаго строительства, комитетъ не только дальше не пошелъ, но проявилъ даже регрессивность. Въ засѣданіе комитета 14 мая комиссія школьнаго строительства внесла свой докладъ, и попутно членъ этой довольно многочисленной комиссіи кн. В. Н. Друцкой-Соколинскій, рогачевскій уѣздный предводитель дворянства, сдѣлалъ заявленіе комитету о необходимости учредить спеціальный капиталъ на нужды первоначальнаго народнаго образованія. Предлагая обратить на этотъ предмѣтъ капиталъ, образовавшійся изъ смѣтныхъ остатковъ прежнихъ лѣтъ, докладчикъ находилъ, что населеніе губерніи раньше всего нуждается въ возможно широкой постановкѣ школьнаго дѣла, что экономическое состояніе населенія можетъ быть поднято только путемъ образованія и общаго развитія его, и всякія дальнѣйшія отсрочки въ этомъ ничѣмъ не могутъ быть оправданы. Онъ проситъ комитетъ, какъ можно скорѣе осуществить высказанную имъ мысль возбужденіемъ немедленнаго ходатайства объ обращеніи названнаго капитала въ спеціальный на нужды народнаго образованія. Капиталъ этотъ въ свое время составлялъ 620.000 руб. и въ настоящее время, по заявленію губернскаго предводителя дворянства, сократился на половину, вслѣдствіе зачетовъ изъ него въ земскія смѣты въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, пока проектируются составленіе общаго плана и сѣти народнаго образованія населенія губерніи, ушло въ разные зачеты 320.000 руб., которые, несомнѣнно, составили бы крупный фондъ и сразу дали бы возможномъ удвоить существующее число народныхъ школъ и сдѣлать весьма значительный шагъ впередъ къ установленію всеобщаго въ губерніи обученія. Нельзя поэтому не привѣтствовать настояніе кн. Друцкаго-Соколинскаго, поддержанное другими членами комитета, немедленно ходатайствовать объ обращеніи остальныхъ 320 т. въ капиталъ на нужды народнаго образованія въ губерніи. Если бы комитетъ сдѣлалъ обратное постановленіе, то и эти 320 т. руб. пришлось бы употребить на вычеты и объ образованіи только разсуждать.

Суходолевъ.

МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ.

— **Высочайшая благодарность.** На всеподданнѣйшемъ докладѣ статсъ-секретаря графа Витте вѣрноподданническаго адреса крестьянъ краснопольской волости чериковскаго уѣзда Государь Императоръ всемилостивѣйше начертать изволилъ: „Искренно благодарю. Благоволите извѣстить крестьянъ“.

— **Благодарственное молебствіе.** 16 истекшаго ноября въ Чигиринской церкви быховскаго уѣзда о. Стефаномъ былъ отслуженъ, въ присутствіи массы прихожанъ, благодарственный молебенъ по поводу дарованныхъ крестьянамъ манифестомъ 17 октября и 3 ноября милостей. Въ мѣстномъ волостномъ правленіи былъ составленъ приговоръ, въ которомъ крестьяне выразили всеподданнѣйшія чувства Государю Императору и установили ежегодно 3-го ноября совершать въ волостномъ правленіи за здравіе Государя молебствіе.

— **Посѣщеніе Владыкою губернской больницы и дѣтскаго пріюта.** Въ понедѣльникъ 12 декабря Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Стефанъ Епископъ могилевскій и мстиславскій посѣтилъ могилевскую губернскую больницу и находящуюся при ней домовую церковь. Владыка обходилъ больничныя палаты, участливо распрашивалъ больныхъ и преподалъ свое архипастырское благословеніе. На нужды бѣдныхъ больныхъ въ распоряженіе старшаго врача Владыка пожертвовалъ 100 рублей. На эти деньги, между прочимъ, предполагается организовать помощь и тѣмъ бѣднымъ глазнымъ больнымъ, которые нуждаются лишь въ амбулаторномъ леченіи, но по недостатку средствъ къ жизни принуждены отказаться отъ леченія.

— 29 истекшаго ноября Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Стефанъ Епископъ могилевскій и мстиславскій посѣтилъ дѣтскій пріютъ и кузнечно-слесарныя мастерскія могилевскаго женскаго благотворительнаго общества, находящіяся въ г. Могилевѣ на Быховской улицѣ, и внесъ 40 руб. (за полугодіе) въ плату за обученіе двухъ мальчиковъ въ мастерскихъ ремеслу.

— **Отпускъ.** Непремѣнному члену губернскаго присутствія д. ст. сов. А. А. Князеву разрѣшенъ отпускъ внутри имперіи и за границу на два мѣсяца.

— **Исполнительный вечеръ литературно-музыкально-драматическаго кружка.** Какъ уже сообщалось въ нашей газетѣ, могилевскій литературно-музыкально-драматическій кружокъ устраиваетъ въ субботу 17 декабря въ городскомъ театрѣ исполнительный вечеръ, состоящій изъ отдѣленій концертнаго и драматическаго. Программа перваго обширна и составлена весьма интересно. Драматическое отдѣленіе будетъ представлено веселымъ фарсомъ Манфельда „На всѣ четыре стороны“. Предполагается къ постановкѣ и живая картина.

Въ настоящее время идутъ усиленныя репетиціи пьесы, хора (подъ упр. г. Фидюкова) и музыкально-вокальный № 8 программы. Продажа билетовъ уже производится у казначея кружка г. Липчевскаго (Бутомовъ пер. д. Бутомо, противъ собора); въ субботу билеты будутъ продаваться въ кассѣ театра. Въ качествѣ исполнителей на этомъ вечерѣ выступятъ г-жа Аристархова, Гортынская, Иванова, Казанская, Рейдеръ, Савицкая и Шеметило и гг. Вержбицкій Дисманъ, Космачевскій, Ліоренцовичъ, Ляховичъ, Лурье, Ляховичъ, Мина, Фидюковъ, и другіе. Начало ровно въ 8 час. вечера. Цѣны назначены общедоступныя.

— **Открытіе клуба.** Въ городѣ Могилевѣ открывается клубъ чиновниковъ и служащихъ въ учрежденіяхъ. Временною комиссіею, подъ предсѣдательствомъ И. А. Хозерова, выработанъ уставъ клуба и двѣ слишнимъ недѣли тому назадъ представленъ г. начальнику губерніи на утвержденіе. Новый клубъ, въ числѣ другихъ просвѣтительныхъ цѣлей, намѣчаетъ свою главную заботу на широкую постановку библіотечнаго дѣла. Горячо привѣтствуется доброе начинаніе и ожидается скорое утвержденіе устава.

Наконецъ-то наши чиновники, подобно чиновникамъ другихъ городовъ, будутъ имѣть мѣсто пріятныхъ, удобныхъ и полезныхъ развлеченій. Членскій взносъ предположено установить весьма умѣренный.

Дай Богъ въ добрый часъ.

— **Пожертвованія.** Преосвященнымъ Владыкою Стефаномъ на устройство елки бѣднымъ дѣтямъ пожертвовано 15 руб., которые вручены М. Долговой. Ею же получено отъ N. N.—10 р. А всего съ ранѣе поступившими 45 руб.

По поводу закрытія семинаріи.

Больное мѣсто у насъ теперь—это закрытіе нашей духовной семинаріи. Намъ тяжело видѣть, что наши дѣти теряютъ время, лучшее время своей жизни, отдавая дань настоящему печальному положенію. Отправляя своихъ дѣтей въ семинарію, мы не думали, что они такъ скоро вернутся къ намъ, хотя, нужно сознаться, и предполагали въ душѣ такую возможность. Во всякомъ случаѣ это есть ихъ вполнѣ самостоятельный и сознательный шагъ. Хотя и тяжело родителямъ, но не слышно, чтобы они осуждали своихъ дѣтей за такой ихъ поступокъ. Чтожъ дѣлать, если таково положеніе вещей въ настоящее время. (Какъ бы въ примѣчаніи нужно оговориться, что насъ приводитъ въ недоумѣніе этотъ вопросительный знакъ въ объявленіи о закрытіи семинаріи въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», вѣдь петиція шла чрезъ свое начальство, къ чему тогда этотъ вопросъ?). Вѣдь можно было слышать вопли семинаристовъ, кого это касалось, еще раньше и давно подготовить то, что теперь, можетъ быть, придется дать volens-nolens. Вѣдь всѣ видѣли, что семинаристы стремятся къ высшему образованію, хотятъ его, бьются во всѣ двери высшихъ учебныхъ заведеній, а ихъ не пускаютъ. И вѣдь не потому, что они мало подготовлены. Прислушайтесь, что про нихъ говорятъ въ Ярославлѣ, въ Юрьевѣ и особенно въ Томскѣ, какіе все солидные отзывы. Живую воду развѣ можно остановить навсегда въ своемъ теченіи?

Припоминается то время, когда вышелъ этотъ драконовскій законъ, преградившій семинаристамъ доступъ въ высшія учебныя заведенія. Мы были тогда въ третьемъ классѣ въ могилевской семинаріи. Собрали насъ даже на молебствіе въ церковь, а потомъ въ актовый залъ. И тамъ и здѣсь были рѣчи. Тутъ „благопопечительность“ начальства, тутъ и забота о бѣдныхъ семинаристахъ, чтобы они не уклонялись въ рытые пути, а шли бы прямой дорогой, указываемой имъ... и проч. и проч. Мы слушали съ понурыми лицами, молчаливо, точно насъ что то сдавливало, стягивало, и когда насъ отпустили,—долго молчали, какъ будто какой кошмаръ напалъ на всѣхъ; такая мѣра въ нашей семинаріи стоила жизни двумъ воспитанникамъ IV класса, которые готовились на математическій факультетъ; бѣдные! они не перенесли такихъ драконовскихъ законовъ и умерли.

Припоминается и другое время. Мы были въ пятомъ классѣ, когда началось движеніе по семинаріямъ въ пользу открытія доступа въ университетъ. Инвціатива тогда исходила, кажется, отъ Рижской семинаріи. Какъ оживились бѣдные семинаристы! Но это движеніе, захваченное въ скоромъ времени, властною рукою было остановлено. Нашъ отецъ ректоръ, нынѣ здравствующій архипастырь одной великорусской епархіи, собралъ четвертый классъ. „Кто соглашался подписывать петицію, станьте направо, а несогласные налѣво“. Налѣво стали двое. Помнится, какъ отецъ ректоръ отечески этимъ двумъ дѣлалъ внушенія, говоря о товариществѣ, о солидарности и т. п. Мы въ душѣ благодарили о. ректора, потому что здѣсь не было насилія убѣжденій, а товарищеское предсѣдательство.

И теперь можетъ быть Богъ дастъ, въ чемъ не успѣли отцы, успѣютъ ихъ дѣти, хотя и печальнымъ путемъ.

Мы почему то увѣрены, что и пастырство отъ этого ничего не потеряетъ, подъ условіемъ, конечно, такъ желанныхъ церковныхъ реформъ.

Свящ. С.

Горе-училище.

Въ мѣстечкѣ Старосельѣ, оршанскаго уѣзда, еще въ 1901 году было построено, или говоря вѣрнѣе, началось лишь строиться, народное училище. Постройка отличается крайней незамысловатостью и чрезвычайной оригинальностью. Инціаторы постройки—руководители народные—горячо при-

Фельетонъ.

Письма изъ Могилева.

(Письмо седьмое).

Другу Тряпичкину, въ Петербургѣ.

Я, милѣйшій, прочелъ недавно въ газетахъ, что литераторъ Меньшиковъ, слухомъ котораго земля полна, откопалъ въ вашей столицѣ одну гадалку—ясновидящую, которая, черезъ посредство «самоуглубленія» и смотрѣнія въ какія то древнія книги, великолѣпно будто бы отгадала будущее Россіи и дальнѣйшее теченіе ея судебъ.—Пустое, скажешь ты, просто посмѣялась надъ литераторомъ тревовѣщательница!...

— Нѣтъ, дорогой, отвѣчу я тебѣ: если г. Меньшиковъ, столпъ «Новаго Времени», краса и гордость Руси, вѣритъ въ гадальщицъ и даже приходитъ въ экстазъ отъ ихъ пергаментныхъ лицъ, то позволительно и мнѣ вѣрить, а потому, томимый страхомъ и волненьемъ, я попрошу тебя зайти къ этой самой гадалкѣ и спросить у нея разъясненія одного сна, видѣннаго мною на днихъ... Да, да... мнѣ снился очень скверный сонъ...

Наканунѣ я очень долго бесѣдовалъ «въ обществѣ» о вывѣшнихъ злобахъ, слишкомъ волновался, доказывая безсмысленность кровопролитія, стадность, руководящую часто, по законамъ психологіи, многими грандіозными великими дѣлами. Мнѣ возражали, но я твердо стоялъ на своемъ, кипятился, волновался, приводилъ въ доказательство своей правоты мѣста изъ всѣхъ экономистовъ, философовъ и историковъ, портилъ себѣ много крови... голова у меня болѣла, кровь звонко переливалась въ жилахъ, сердце сжималось болью за всѣхъ рабовъ идеи «XX столѣтія» за всѣхъ грядущихъ жертвъ, покорно ждущихъ своей очереди, и, вдобавокъ, я еще имѣлъ неосторожность поужинать въ одномъ мѣстномъ ресторанѣ, тамъ окончательно отравилъ себѣ желудокъ и, вернувшись домой, въ изнеможеніи опустился на койку и... умеръ! Такъ и есть, снится мнѣ, что умеръ я: Пришелъ ко мнѣ вдругъ ангелъ, весь въ бѣломъ, съ необъяснимой нѣжностью потрогалъ меня по горячему лбу и говоритъ: я призванъ взять васъ изъ этой юдоли—земли, безумствъ которой вы не переносите! Блюдя приказаніе моего Господина, я беру васъ въ свое царство!..

Не успѣлъ я раскрыть ротъ отъ изумленія, какъ очутился въ пространствѣ между небомъ и землею, за спиной моего ангела-посланца. Мы оба какъ бы порхали, или, правильнѣе, плавали по густымъ массамъ легкаго, упругаго, голубого эфиру, въ которомъ рѣзвились чистенькія кокетливыя звѣздочки, словно купаясь въ его прозрачныхъ волнахъ; кругомъ дышалось такъ славно, легко, а насъ то и дѣло обгоняли ангелы смерти, возвращавшіеся съ обильными добычами.

— Изъ Россіи, коллега? спрашивалъ каждый разъ мой чичероне, и слышались отвѣты:

— Такъ и есть,—изъ Москвы!.. жарко тамъ дѣло, пожалуй, на три дня и три ночи хватитъ намъ работы!..

— Ну ужъ, и страна ваша! какъ бы съ укоромъ проговорилъ мой ангелъ—въ мирное время вамъ тамъ постоянно больше работы хватаетъ, чѣмъ на всемъ земномъ шарѣ, а теперь, такъ прямо спаси Господинъ мой!..

Я ничего не отвѣтилъ и продолжалъ жадно озираться кругомъ. Массы эфиру смѣнились вдругъ волнами яркаго огненнаго свѣта, золотистые лучи котораго разрѣзали на отдѣльныя полосы все пространство. Миріадами искръ лучи эти дробились и разсыпались въ отдѣльные блестки, а золотой огненный шаръ,—ихъ источникъ,—гордо покоился еще на своемъ ложѣ, утопавшемъ въ морѣ искрящихъ алмазовъ. И вдругъ этотъ огненный шаръ, поднявшись съ ложа, засвѣтилъ еще ярче, еще жгучѣе, лучи его, казалось, сгорали теперь въ раскаленномъ пространствѣ, все преклонилось ницъ, кого то привѣтствуя гимномъ, и до моихъ ушей дошелъ какой-то мелодичный, мягкій музыкальный напѣвъ. Отдѣльныя мелодіи вонзались въ душу, вызывая въ ней бурный трепетъ, содрогая сердце, волнуя кровь то близостью сладкой мечты, то горькимъ сознаніемъ тщеты и несбыточности желаній...

— Славно у васъ играютъ! не выдержалъ я напора чувства, рѣшившись обратиться къ моему спутнику.

— Ну, еще бы!..—отвѣтилъ мнѣ последній: не даромъ, вѣдь, на землѣ говорятъ: небесная музыка! Однако, мы подоспѣли какъ разъ во время—играютъ,—значитъ, мой Господинъ приступаетъ къ отправленію правосудія!..

Ангелъ вдругъ остановился, сталъ оглядываться и я.

Въ небольшомъ огороженномъ пространствѣ, полномъ мерцающаго свѣта, возсѣдало трое божествъ въ красныхъ мантіяхъ. Передъ ними были раскрыты большія книги, оправленныя въ крокодилову чешую, а возлѣ стояли вѣсы, чашками которымъ служили два черепа.

— Это судейское помѣщеніе!—шепнулъ ангелъ.—Ну, держитесь молодцомъ, давайте на все толковые отвѣты, а я ухожу—моя миссія кончена!

Дѣйствительно, въ мгновеніе ока онъ улетучился, а ему на смѣну, появились двѣ отвратительныя ехидны съ оскаленными черными зубами, окружившія меня съ обѣихъ сторонъ.

— Ваше званіе? Занятіе? начали задавать мнѣ вопросы.

— Мѣщанинъ.. журналистъ!..

— А, разбойникъ печати, значитъ? Много ихъ тутъ жарится въ пеклѣ у васъ. Вы, кажется, въ аду вамъ! А, впрочемъ, взвѣсимъ..

И, по данному сигналу, конвоировавшія меня ехидны бросились къ вѣсамъ и скоро злорадно захихикали—чаша съ грѣхами сильно перетягивала внизъ...

— Такъ и знали! отвѣтили судьи. Что скажете въ свое оправданіе? Вамъ грозитъ пятилѣтнее пребываніе въ чистилищѣ!..

У меня помутило, въ глазахъ, но, не растерявшись, я собралъ все свое краснорѣчіе и заговорилъ горячо и страстно: Добрые судьи! Я грѣшенъ, это вѣрно, но прошу вникнуть подробно во всѣ стадіи моей жизни. Я разбойникъ печати—говорите вы. Допустимъ! Но почему же я сталъ имъ? Почему мой добрый господинъ надѣлилъ меня такой кипучей, легко возмущающейся всѣмъ натурой, такими сильными вибрирующими чувствами, такимъ мятежнымъ, безпрерывно клокочущимъ сердцемъ, полнымъ любви и жалости? Съ юныхъ лѣтъ познаъ я горечь отравленнаго сомнѣнья и рано я убѣдился въ правдивости словъ великаго философа земли: „Въ глубокомъ знаніи — счастья нѣтъ“! И, чувствуя на себѣ перстъ Господина, рѣшился я броситься въ журналистику. О, добрые судьи, если-бъ вы знали, сколько нравственныхъ пытокъ перенесъ я на этомъ поприщѣ! Я вездѣ натыкался въ этой области на подлое фарисейство, приходилось работать въ органахъ, мѣнявшихъ свои оболочки, яко линяющія четвероногія, приходилось приспособлять свое перо то къ лагерю сытой буржуазіи, то къ лагерю голодныхъ пролетаріевъ, въ зависимости отъ того, на какой сторонѣ издатель чуялъ больше наживы... Это не все еще, ибо ваша Судьба сыграла со мною еще одну злую шутку. Я долго спорилъ съ людьми „извѣстной идеи“, доказывалъ нелѣпость многихъ предначертаній, научно опровергалъ ихъ теоріи, заслужилъ даже почти что вражду съ ихъ стороны, а одинъ важный генералъ (временный), увѣшанный орденами и лентами и страдавшій болѣзнью тихаго непониманія, вдругъ придрался ко мнѣ—въ вашихъ, говоритъ, писаніяхъ революція есть, а потому я васъ..

— „Какая—возражаю я—революція можетъ быть въ моихъ писаніяхъ, когда они возбуждаютъ недовольство въ средѣ „тѣхъ“, махнувшихъ рукой на меня, какъ на объектъ, не поддающійся выработкѣ?

—Меня, значитъ, въ два кнута будутъ хлестать?..“ Ничего не помогло!.. И они, т. е. синіе и генералъ, «схватили меня», они изолировали меня въ одно укромное мѣсто, тамъ держали взаперти за... несочувствіе „дѣлу“!??? Вотъ, судьи, и курьезы, случающіеся на землѣ и доходящіе до того, что въ мертвый домъ запираютъ даже и тѣхъ, кто „не работалъ“!.. И не однимъ ли этимъ инцидентомъ могутъ быть искуплены всѣ мои грѣхи?..“

Стали судьи между собой совѣщаться, стали снова ехидны возиться у вѣсовъ... О, радость: все ниже и ниже стала перетягивать теперь другая чаша! И вдругъ я слышу:

— Это, подсудимый, безусловно, принимается во вниманіе, и вамъ срокъ сокращается до одного года! Съ генераломъ же, страдающимъ болѣзнью тихаго непониманія, мы своевременно расправимся!...

Лучъ надежды мелькнулъ въ моихъ глазахъ, близость окончательной побѣды окрылила мои надежды, и я рѣшился на послѣднее средство...

Добрые судьи! взмолился я опять. „За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій вырождается въ узкую мутную полосу, гдѣ нѣкогда находились дремучіе лѣса со всякимъ звѣремъ, и гдѣ нынче разбросаны тощія нивы тощихъ же бѣлоруссовъ, раскинулся губернскій городъ Могилевъ, не хорошій, гаденькій городишко. Его окутываютъ тьма и невѣжество непроницаемой завѣсой, черезъ которую рѣдко, рѣдко могутъ проникать лучи свѣта и истины. Это „край, гдѣ глупость обильемъ дышитъ, гдѣ улицы чище навозу, гдѣ ночи убиваются за зеленымъ столомъ, гдѣ царствуетъ пошлость, гдѣ безбрежнымъ моремъ раскинулась обнаженная, ничѣмъ не прикрытая людская свирѣпость, конца же краю ея не видно“.

И здѣсь то, въ этомъ полузабытомъ Богомъ, людьми и культурою краю, мнѣ посовѣтовалъ пожить важный генералъ! Свыше 4-хъ мѣсяцевъ я протомился здѣсь, добрые судьи! Въ жару я глоталъ тамъ полными легкими пыль, въ дождливую погоду и въ ненастье я увязалъ по колѣно въ грязи, ночью я разбивалъ свой лобъ о фонарные столбы, разставленные только для символа очевидно... Нигдѣ я не находилъ себѣ покоя—прогуливался ли я по Б. Садовой, среди обильныхъ „паръ“, я долженъ былъ затыкать свои уши обѣими руками, чтобы туда не проникали безсмысленные идіотскіе разговоры; заходилъ ли я въ ресторанъ покушать, я долженъ былъ таскать съ собою въ карманахъ противоядія, ибо не запасшіеся таковыми средствами посѣтители, тутъ же не выходя изъ за стола, начинали корчиться въ предсмертныхъ мукахъ; съ меня, какъ съ новичка, драли за все въ три-дорога... И все я терпѣлъ.. Я видѣлъ тамъ баснословную нищету, копошившуюся въ грязныхъ

валась за дѣло; при этомъ они замѣчательно удачно воспользовались плодами своихъ предшественниковъ. Заботясь исключительно о удешевленіи постройки училища, строители послѣдняго рѣшили воспользоваться для своихъ цѣлей бывшей въ Староселье богадѣльней. Богадѣльня эта находилась на полѣ за мѣсточкомъ, между двумя болотами. Призираемые въ богадѣльнѣ были переведены куда-то еще, а само зданіе богадѣльни раздѣлили на двѣ части: одну часть для квартиры учителя, а другую для общежитія; потомъ къ бывшей богадѣльнѣ приставили еще три стѣны для класса и—училище готово. Всѣ же остальныя хозяйственныя постройки, какъ то: заборъ, сарай и пр., только были намѣчены, а возводить ихъ все еще не рѣшаются. И стоитъ такъ на полѣ—горе-училище зимою, засыпанное снѣгомъ, весною и осенью отъ разлива болотъ походитъ на уединенный островъ. Особенно печальную картину представляютъ бѣдные дѣти-ученики, когда, будучи пущены на перемѣнку, бѣгутъ часто по поясъ въ снѣгу или по колѣно въ грязи кто за уголъ училища, кто за близъ стоящее волостное правленіе, а кто просто за дерево, благо трактъ близко.

Когда-жъ, наконецъ, заправилы старосельской волости, внемлютъ ходатайствамъ старосельскаго народнаго училища и окончатъ постройку училища? Хорошо имъ, нѣкоторымъ уже въ отставкѣ, получать сытую пенсію и воображать, что послужили для пользы народной въ старосельской волости. Есть, правда, чѣмъ помянуть!

Куда уютнѣй смотрѣло бы училище, еслибъ около него былъ хотя заборчикъ. Послѣдній же можно было построить на тѣ деньги, которыя получались бы, еслибъ отдать подъ квартиры старое училище; оно не такъ вѣдь еще ветхо, чтобъ нельзя было въ немъ жить, особенно обширное помѣщеніе для учителя, передѣланное изъ бывшаго волостного правленія. Но земскій начальникъ распорядился иначе: онъ отдалъ старое училище со всѣми при немъ службами въ безвозмездное пользованіе вольнопрактикующему фельдшеру, между тѣмъ какъ казенный фельдшеръ вслѣдствіе этого принужденъ нанимать себѣ квартиру.

Года 4 уже какъ учитель старосельскаго народнаго училища возбудилъ ходатайство о надѣленіи училища землею, такъ какъ въ ½ версты отъ училища есть казенная дача, а еще ближе-церковная земля,—но ходатайство учителя остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

„Проѣзжій".

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь, г. редакторъ!

Прошу помѣстить въ редактируемой вами газетѣ слѣдующее.

Къ товарищамъ.

Отъ имени всѣхъ недостаточныхъ студентовъ-демидовцевъ считаю своимъ товарищескимъ долгомъ сказать моимъ землякамъ-инициаторамъ благотворительнаго вечера 4-го декабря Н. А. Калецкому, А. Н. Цитовичу, А. А. и Н. А. Дашкевичамъ—спасибо

Одинъ изъ
недостаточныхъ студентовъ.

Отголоски войны.

Письмо изъ Манчжуріи.

20 октября 1905 г. дер. Чилинза, близъ ст. Мейшадзы.

Съ середины октября войска начали отходъ къ сѣверу на зимнюю стоянку. Походъ полку предстояло сдѣлать въ девять дней; надо было отодвинуться на 158 верстъ отъ бывшей сыпингайской позиціи.

За мѣсяцъ до выступленія на новую стоянку, высланные квартирьеры занялись приспособленіемъ и оборудованіемъ деревень и фанзъ для расквартированія частей полка. Трудъ не малый, если принять во вниманіе дороговизну строительнаго матеріала (тысяча кирпича—45 р. напр. и т. п.), а также цѣны взимаемыя Китайско-Восточной желѣзной дорогой за провозъ его. Фанзъ для жилья не хватало, а на постройку землянокъ нужно много лѣса и кирпича.

Недостатокъ въ строительныхъ матеріалахъ окупался изобиліемъ пищевыхъ продуктовъ. Привыкнувъ платить въ Маймакаѣ чудовищныя цѣны за все, здѣсь мы даже не торговались, когда намъ назначали цѣну. Напримѣръ за картофель въ Маймакаѣ брали за пудъ по 1 р. 40 к., здѣсь-же 40—50 к. пудъ и такъ все.

8 октября принявъ снова въ командованіе пятую роту, я получилъ приказаніе ночью отправляться на 84 разъѣздъ, откуда по желѣзной дорогѣ слѣдовать на новую стоянку въ д. Чилинзу, занять ее и приспособлять фанзы для жилья. Полкъ имѣлъ выступить 18 октября. Рано утромъ 10 эшелонъ прибылъ въ Мейшадзы, откуда оставалось пройти 4 версты до д. Чилинзы. Пока выгружались люди изъ вагоновъ, я прорысилъ къ мѣсту расположенія квартирьеровъ, осмотрѣлъ деревню, назначенную для стоянки роты и когда прибыла рота, размѣстилъ ее въ фанзахъ. Люди были очень довольны, попавъ сюда; не говоря уже о томъ, что переѣздомъ жел. дор. они сохранили себѣ силы, здоровье, обувь и проч.,—прямо-таки послѣ долговременныхъ скитаній, житья въ редутахъ, окопахъ, расположенія въ палаткахъ,—солдаты наконецъ могли зажить по—человѣчески въ теплѣ и чистотѣ. Едва только появились мы въ деревнѣ, какъ были окружены китайцами, со всѣхъ сторонъ сбѣжавшимися съ предложеніями купить то или другое.

Изъ среды китайцевъ выдѣлялся богатый купецъ Пан-чень и переводчикъ Юн-шенъ очень добросовѣстный и самолюбивый, все время повторявшій:

— „Моя ничего не бери.. Моя говоря китайцамъ.. Ты хочешь бери, хочешь нѣтъ.. Мнѣ ничего не надо... Моя машинка ме-ю (т. е. я не мошенникъ)".

Дѣйствительно, благодаря переводчику я быстро сошелся съ Пан-ченъ и другими „китайза купеза" (китайскими купцами) какъ ихъ называетъ переводчикъ, условился съ ними въ цѣнахъ, и сразу появилось все, что нужно для солдатскаго стола. Дня черезъ два я заслужилъ настолько довѣріе китайцевъ, что мнѣ предлагали брать безъ денегъ, если я стѣсняюсь въ нихъ.

— „Твоя послѣ плати, когда получишь съ желѣзной дороги, а теперь бери что надо"...

Когда я привелъ нѣсколько въ порядокъ офицерское помѣщеніе,—три купца явились съ гостинцемъ, двумя курами, которыхъ и преподнесли намъ, отказавшись отъ денегъ и даже обидѣвшись за послѣднее предложеніе.

Оставалось отблагодарить ихъ только угощеніемъ, что я и сдѣлалъ, пригласивъ ихъ на чай. Любопытно было видѣть когда они не знали какъ ѣсть конфекты и т. п. Изъяснялись мы довольно свободно и китайцы чувствовали себя не дурно.

Живо выяснили всѣ недоразумѣнія по разнымъ статьямъ совмѣстнаго пребыванія и стали друзьями. Вообще, сколько я не запомню случаевъ сталкиванія съ китайцами, всегда они производили отрадное впечатлѣніе, своею готовностью пойти вамъ на встрѣчу. А разъ еще вы хорошо обращаетесь съ ними, за все платите, приказываете солдатамъ ихъ не трогать,—китайцы сдѣлаютъ вамъ все, что могутъ. Разумѣется, я говорю о сельскомъ населеніи. Торговцы и большая часть переводчиковъ совсѣмъ другой элементъ: хитрость и обманъ прежде всего.

Въ прошлыхъ письмахъ я уже упоминалъ о переводчикахъ и ихъ безцеремонномъ обращеніи съ китайцами. Нерѣдко иные изъ нихъ заставляютъ китайцевъ дѣлать такъ, какъ указываетъ переводчикъ, угрожая въ противномъ случаѣ грабежемъ „коробчи" со стороны русскихъ. Купцы тоже выкидываютъ штуки, въ родѣ слѣдующей: Одному офицеру понадобился счетъ на закупленное. Когда офицеръ далъ прочитать полученный счетъ переводчику при штабѣ, оказалось счетъ наполненъ словами площадной брани. Другой случай: въ счетѣ китаецъ пишетъ, что покупщикъ беретъ за такую-то цѣну, а проситъ написать большую... Разумѣется послѣднее оказываетъ только благотворное вліяніе на дѣятельность „разныхъ" маппинокъ", отучая ихъ отъ хапанья.

Деревня Чилинза производитъ отрадное впечатлѣніе: она полна зерномъ. Достатокъ виденъ всюду.

Нѣтъ здѣсь тѣхъ бѣдныхъ, разоренныхъ манзъ, которыя мы встрѣчали на югѣ. Нѣтъ тѣхъ полуголодныхъ китайцевъ, которые, непросивъ разрѣшеніе, а часто и помимо его отрывали тухлую, призанную негодною для солдатъ, рыбу и съѣдали ее... Здѣсь, куда не взглянешь, стоятъ громадныя скирды гаоляна, чумизы, ячмень и проч. Непрерывно на токѣ молотятъ и вѣютъ зерно, и всю ночь слышенъ визгъ каменныхъ, громадныхъ цилиндровъ, влекомыхъ лошадьми. Цилиндры переминаютъ растеніе, которое затѣмъ отдѣляютъ отъ оставшагося на токѣ зерна, а послѣднее вѣютъ, также какъ и у насъ, забрасывая на воздухъ лопатой. Вѣтеръ относитъ негодное въ сторону. Цѣлыми днями китайцы окутываютъ свои фанзы заборомъ изъ гаоляна, который вяжутъ очень ловко и щитно. Въ отношеніи исполненія работъ отъ китайцевъ ничего лучшаго и желать нельзя. Одно плохо, что ужъ очень грязно живутъ, никогда почти не моются; одежду носятъ безсмѣнно, а бѣлья никакого..

Вообразите, какой букетъ запаха носитъ за собой всюду такой китаецъ сельчанинъ.... Посѣщая ихъ жилища едва выносишь скверный запахъ, бьющій въ носъ. Китаянки, поджавъ ноги, сидятъ на канѣ и работаютъ вышивки на подушки. Вышивки эти, отлично сработанныя шелкомъ по канвѣ, онѣ продаютъ довольно дешево, по 50 коп. за штуку, а работы надъ иной вышивкой не мало. Такъ я пріобрѣлъ пару вышивокъ за 1 р., надъ которыми китаянка работала „семь солнце", т. е. семь дней. Кромѣ вышивокъ шьютъ себѣ одежду, вышиваютъ туфли и т. п. Мужчины заняты заготовкой на зиму разныхъ припасовъ, отдѣлкой фанзъ, для защиты отъ холода и сбытомъ излишка продуктовъ. О пищѣ китайцевъ упоминалось не разъ. На обѣдахъ, даваемыхъ приглашаемымъ русскимъ офицерамъ и чиновникамъ, они выставляютъ массу кушаній разнаго рода въ извѣстномъ порядкѣ постепенности, т. е. въ первую очередь, напр., мучныя блюда, затѣмъ мясо, изготовленное разными способами и т. д. Бывавшіе на этихъ обѣдахъ весьма различно отзываются о нихъ; нѣкоторымъ даже нравятся китайскія блюда, эти разныя трепанги, ласточкины гнѣзда и пр.

Другихъ тошнитъ. Хозяева любезно предлагаютъ блюдо за блюдомъ. Отказъ можетъ оскорбить. Выходитъ нѣчто въ родѣ „демьяновой ухи".... Китайцы очень любятъ свои пирожныя, изготовляемыя на бобовомъ маслѣ. Эти пирожныя, уложенныя въ деревянные ящички, китайцы преподносятъ какъ гостинецъ, живущимъ въ ихъ фанзахъ офицерамъ. Такія ящички подносили намъ Пан-ченъ и Юн-шенъ, называемый по русски „Мишкой"...

Подобный способъ оказанія уваженія офицерамъ практикуется у болѣе зажиточныхъ сельчанъ. Другіе намъ подносили, еще въ Ненемио, арбузы, ханшинъ и т. п. Въ долгу китайцы, вообще, не остаются. Какъ-то разъ на заставѣ сторожевого охраненія я задержалъ двухъ китайцевъ офицеровъ, въ томъ числѣ пожилого полковника, въ силу отданнаго приказанія о не пропускѣ никого къ югу безъ разрѣшенія, а послѣдняго-то у нихъ и не оказалось. Запросивъ по постамъ семафорной сигнализаціи, пустить ли задержанныхъ или нѣтъ, предложилъ закуску и чай. Время пролетѣло быстро до полученія отвѣта и уѣзжая офицеры, любезно отблагодаривъ насъ, дали прислугѣ нѣсколько рублей на чай.....

Будучи въ сторожевомъ охраненіи поставленъ въ необходимость обходить китайскія помѣщенія, я часто находилъ больныхъ китайцевъ; походная карманная аптечка имѣла тутъ широкое примѣненіе, облегчая ту или другую болѣзнь, или вовсе устраняя ее... И каждый разъ китайцы въ знакъ благодарности приносили молодой картофель, огурцы и т. п. Пан-ченъ и Юн-шенъ настолько привязались къ намъ, что ежедневно раза по два, по три посѣщаютъ насъ и кое-какъ изъясняются по-русски. Пан-ченъ очень трудолюбивъ; имѣя много рабочихъ, повара,—самъ работаетъ на токѣ, а семья его не остается безъ дѣла: плетутъ цыновки, шьютъ и т. п. На мои разспросы что китайцы дѣлаютъ въ свободное время,—Юн-шенъ объяснилъ, что свободнаго времени у нихъ мало, что только на Новый годъ китайцы «гуляютъ», а остальное время работаютъ цѣлыми днями.

Погода теперь стоитъ вполнѣ зимняя. Наступили морозы. Выпадаетъ снѣгъ; но послѣдній лежитъ не долго, быстро таетъ днемъ отъ пригрѣвающихъ солнечныхъ лучей. Изрѣдка дуютъ вѣтры. Въ солдатскихъ помѣщеніяхъ тепло, благодаря топкѣ кановъ и поставленныхъ печей; уютно и хорошо они себя чувствуютъ, весело и бодро глядятъ впередъ; живутъ надеждой скораго возвращенія въ Россію.

Изъ Россіи съ начала октября (8—10 го) корреспонденціи не получаемъ, вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ причинъ,—тяжело жить, не имѣя извѣстій, что тамъ дѣлается, а особенно въ данное время, когда военныя дѣйствія исчерпаны на здѣшнемъ театрѣ.

Геннадій Суходольскій.

ПО РОССІИ.

— **Московская почта**, бастовавшая до сихъ поръ, становится все исправнѣе и исправнѣе. Письма даже стали разносить почтальоны, одѣтые въ штатское платье. На окраинахъ работаютъ даже почтальоны, въ формѣ. Большая часть почтовой завали разобрана и разослана по отдѣленіямъ для врученія адресатамъ. Къ сожалѣнію, на телеграфѣ, забастовщики произвели поврежденія и въ 9 часовъ утра перерѣзали телеграфные провода на Петербургъ и Казань, такъ что сообщенія нѣтъ, но тѣмъ не менѣе многимъ удавалось посылать въ Петербургъ телеграммы чрезъ биржевой проводъ, работающій, какъ извѣстно, самостоятельно.

— **Министромъ путей сообщенія** наконецъ обращено вниманіе на крайнюю неравномѣрность въ выдачѣ предпраздничныхъ пособій въ центральныхъ учрежденіяхъ этого вѣдомства. Въ то время, какъ въ нѣко

порахъ, на виду у всѣхъ, на виду и у городскихъ отцовъ, громко наименовавшихъ совокупности такихъ норъ улицами. Часть населенья въ томъ городѣ питается всю недѣлю солодочнымъ растворомъ, межъ тѣмъ какъ богатые собратья ея сидятъ, какъ Кащеи, на своихъ, полныхъ золотомъ сундукахъ, глухіе и равнодушные къ стонамъ своихъ голодныхъ собратьевъ. Свыше 4-хъ мѣсяцевъ протомился я въ этомъ городѣ, въ этомъ провинціальномъ болотѣ, кишащемъ вредными испареніями, способными убить во всякомъ силу правильнаго мышленія, порывы самостоятельнаго, а не заимствованнаго ума. На моихъ глазахъ собирались различныя комиссіи, подкомиссіи, „дѣятели" собирались, калякали, подремывали, позѣвывали и затѣмъ, спрятавъ „дѣла" подъ сукна, мирно расходились по теплымъ домамъ, по взбитымъ, мягкимъ пуховикамъ; на моихъ глазахъ люди занимались игрой въ благотворительность, межъ тѣмъ какъ прибѣгавшіе къ ней, не дождавшись очереди, съ проклятьемъ на устахъ оставляли землю. На моихъ глазахъ люди шалѣли отъ скуки, отъ скуки же жены измѣняли мужьямъ, формировались типы „полудѣвъ", въ стилѣ Марселя Прево... И, всѣмъ этимъ возмущенный, потрясенный, кричалъ я однимъ: бросьте вы, чертъ возьми, это бѣганье „пѣтушкомъ, пѣтушкомъ" за модными „идеями", въ которыхъ вы ни аза не смыслите! Другимъ я говорилъ, что не только свѣту, что въ окошкѣ и что можно и здѣсь, въ провинціальной глуши, честно работать на любомъ поприщѣ, въ виду чего всѣ эти сѣтованія на „засасывающій элементъ" совершенно ложны; третьимъ я совѣтывалъ пойти къ народнымъ массамъ города, лѣчить ихъ отъ невѣжества, указывать ему, гдѣ истина, ему погрязшему въ тинѣ нелѣпыхъ подобныхъ традицій... И неужели же это пребываніе въ царствѣ пошлости, бездѣлья, глупости, разврата и обезьянняго модничанія, не искупаютъ все же моихъ грѣховъ?"...

Свѣтлѣли лики судей, все больше и больше стала тянуть внизъ чаша вѣсовъ...

И рекли мнѣ: Вы жили въ Могилевѣ!... Да простятся же вамъ всѣ грѣхи, содѣянные волею и неволею, и да будетъ вамъ рай! Въ рай его, ангелы, проводите!... Вмигъ появилось съ полсотни ангеловъ, сіяющихъ, бѣлыхъ, и я уже готовился созерцать рѣки съ медомъ, деревья съ райскими фруктами, прекрасныхъ, черноокихъ гурій, какъ вдругъ.. я проснулся!

Ну, каковъ сонъ?

Непремѣнно, дорогой Тряпичкинъ, спроси тамъ у гадалки разъясненія на этотъ счетъ и извѣсти меня, т. к. пребываю въ большой тревогѣ.

Пока же будь здоровъ, твой лучшій другъ:

И. Мир...

Свободный художникъ.

Въ десятомъ часу утра робкій, нерѣшительный звонокъ прозвучалъ въ передней присяжнаго повѣреннаго Митинга.

Высокій молодой человѣкъ съ узкимъ нервнымъ лицомъ и длинными, до плечъ, волосами, вошелъ въ кабинетъ.

— Свободный художникъ Добряковъ,—отрекомендовался онъ адвокату.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ полный рыжеватый хозяинъ, придвигая кресло новому кліенту.

— Извините, —сказалъ молодой человѣкъ,—я можетъ быть не во время... Еще такъ рано, но у меня очень важное дѣло. Видите-ли, я уже давно заказываю себѣ сапоги у одного маленькаго сапожника Тимофѣева. Мы, музыканты, народъ не богатый ну, а этотъ Тимофѣевъ беретъ очень дешево. На дняхъ я отдалъ ему сдѣлать подметки къ моимъ сапогамъ...

Ироническая улыбка, скользнувшая по губамъ присяжнаго повѣреннаго, смутила молодого человѣка, онъ запнулся, но потомъ заговорилъ такъ быстро и сбивчиво, какъ будто за нимъ гналась цѣлая шайка вооруженныхъ хунгузовъ.

— Вы не считайте меня за сумасшедшаго... О, нѣтъ, къ несчастію, я въ полномъ умѣ и твердой памяти; могъ бы сейчасъ написать духовное завѣщаніе, еслибъ мнѣ было, что завѣщать, и любой нотаріусъ утвердилъ бы его. Увѣряю васъ, я только взволнованъ и пришелъ къ вамъ за совѣтомъ, какъ быть и что дѣлать.

— Продолжайте, пожалуйста, я васъ слушаю,—серьезно сказалъ адвокатъ, мысленно рѣшивъ, что имѣетъ дѣло съ ненормальнымъ субъектомъ.

— Такъ вотъ, я отдалъ подметки къ моимъ сапогамъ... Стоило это обыкновенно рубль — рубль двадцать. Вчера вечеромъ, когда меня не было дома.. я былъ на революціонномъ митингѣ въ залѣ Тенишева, знаете, на Моховой?... Очень интересно, увѣряю васъ. Всѣхъ свергаютъ, всѣхъ ругаютъ, но какъ красиво, какъ краснорѣчиво ругаютъ.. Ни одинъ присяжный повѣренный такъ не .. Виноватъ!... Такъ вотъ я былъ на революціонномъ митингѣ, возвращаюсь домой; на пюпитрѣ, на знаменитомъ „Каскадѣ" знаменитаго Альберта Цабеля, лежитъ, какъ бы вы думали, что? Вы не догадаетесь? Лежитъ счетъ.

— Счетъ?—переспросилъ адвокатъ.

— Да, да, да, счетъ. Я, видите ли, арфистъ. Понимаете ли вы, что это за профанація искуства? Поэтическій „Каскадъ" и счетъ отъ сапожника!... Ну, Богъ съ нимъ, съ этимъ еще можно бы примириться, но этотъ счетъ, вотъ извольте взглянуть,..

Молодой человѣкъ нервно порылся въ карманѣ и подалъ адвокату бумажку. Тотъ прочелъ вслухъ:

„За подметки къ парѣ сапогъ 1 р. 80 к. Свободный сапожникъ Тимофѣевъ".

—Что же вы находите, что это дорого?—спросилъ онъ.

— Ахъ, что тамъ дорого!—воскликнулъ Добряковъ.— Хотя, конечно, это безбожная цѣна. Нѣтъ, вы на подпись-то обратите вниманіе. „Свободный сапожникъ"!" А? Какъ вамъ это нравится?

— Теперь время такое, молодой человѣкъ. Всякій свободу толкуетъ по своему,—успокоительно отвѣтилъ адвокатъ.

— Нѣтъ ужъ это извините —загорячился Добряковъ.—До сихъ поръ у насъ въ Россіи были только одни „свободные художники". Понимаете? Только тотъ, кто окончилъ консерваторію или Академію художествъ имѣлъ право на званіе „свободнаго". Это нашъ дипломъ. Ради этого диплома я шесть лѣтъ тянулъ консерваторскую лямку. Я прошелъ теорію, сальфеджіо, два класса гармоніи, курсъ рояля, энциклопедію инструментовки, исторію музыки, эстетику,—чортъ знаетъ, чего я не прошелъ, чтобъ получить званіе „свободнаго художника". Я ученикъ знаменитаго профессора Цабеля, я начинающій артистъ, я заслужилъ это званіе дипломомъ консерваторіи, да-съ! А теперь оказывается есть „свободный сапожникъ", „свободный полотеръ", „свободный кухонный мужикъ"! Какъ хотите, я не могу съ этимъ примириться... Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать...

Присяжный повѣренный понялъ, наконецъ, всю безвыходность положенія своего кліента, но не сразу нашелъ совѣтъ.

— Послушайте,—продолжалъ тотъ, уже просительнымъ тономъ,—не сдѣлать ли намъ забастовку?...

— Какую?

—Ну, я не знаю какую... Какую нибудь... Ну, перестать, что-ли, давать уроки...

— Да вѣдь, это хлѣбъ — себя же накажете.

— Правда и то, — грустно согласился Добряковъ.

— А вотъ не откинуть ли вамъ отъ вашего званія слово „свободный"? Это было бы очень оригинально по нынѣшнимъ временамъ,—предложилъ адвокатъ.

— Нѣтъ, это невозможно. Я объ этомъ всю ночь думалъ. Академики еще могутъ, а консерваторы—нѣтъ. Если я буду называться просто художникъ, то меня примутъ за пейзажиста, за жанриста, за мариниста, а я музыкантъ. Къ чему же тогда всѣ наши дипломы? Вы то подумайте— шесть лѣтъ консерваторіи ради слова „свободный" и вдругъ, этой свободы то и нѣтъ...

— Понимаю, понимаю,—сказалъ адвокатъ,—но видите-ли, молодой человѣкъ, я почти въ такомъ же положеніи, какъ и вы...

— Это какимъ образомъ?—удивился Добряковъ.

— У васъ поколеблено званіе, а у меня больше того: фамилія... Мои предки изъ Англіи, одинъ изъ нихъ былъ даже лордомъ Митингомъ. Я русскій подданный и русскій душою, но моя фамилія Митингъ. Съ тѣхъ поръ, какъ заговорили о свободѣ, не говорятъ больше сходка, а говорятъ митингъ. Вся Россія треплетъ мою фамилію, вѣдь, у меня предки!... О, предки!... Одинъ кліентъ сказалъ мнѣ на дняхъ: —„Къ вамъ опасно ходить; у васъ въ домѣ четыре Митинга". Это намекъ на моихъ сыновей. Понимаете ли вы весь ужасъ такого положенія, молодой человѣкъ! Неужели мнѣ на старости лѣтъ называться „Сходкинымъ"? Вѣдь, у меня предки!..

Блѣдное лицо Добрякова, вдругъ вспыхнуло и озарилось радостной улыбкой. Онъ вскочилъ съ мѣста и, горячо пожимая руку собрату по несчастью, воскликнулъ:

— Я придумалъ! Вчера одинъ революціонеръ кричалъ на митин... виноватъ, на сходкѣ, что явная и тайная подача голосовъ будетъ установлена вовсе не для выбора депутатовъ, а для того, чтобы тайно, то есть въ запечатанномъ конвертѣ, заявлялись свои желанья. Ну тамъ, кто хочетъ земли, проси земли, кто хочетъ денегъ, проси денегъ...„Я подамъ запечатанный конвертъ съ просьбой, чтобъ „свобода" была оставлена лишь для однихъ художниковъ, а вы просите, чтобъ „митингъ" принадлежалъ исключительно вамъ и вашимъ предкамъ...

«Россія».

торыхъ учрежденіяхъ, гдѣ служба легче, къ выдачѣ назначено по трехъ-четырехъ-мѣсячному окладу содержанія, въ другихъ учрежденіяхъ, именно тѣхъ самыхъ, на которыхъ лежитъ самая трудная работа, къ выдачѣ ассигнованы только доли мѣсячныхъ окладовъ. Въ видахъ болѣе правильнаго распредѣленія предпраздничныхъ пособій образована экстренная комисія подъ предсѣдательствомъ товарища министра путей сообщенія Б. Е. Иваницкаго съ участіемъ начальниковъ отдѣловъ всего министерства.

— По полученнымъ свѣдѣніямъ, **перевозка войскъ изъ Маньчжуріи** производится послѣдніе дни по сибирск. жел. дор. въ усиленномъ размѣрѣ, правильно и безъ задержекъ.

— **Проектъ устава о несостоятельности.** Въ министерствѣ торговли и промышленности въ настоящее время происходятъ засѣданія особой коммисіи, подъ предсѣдательствомъ товарища министра д. с. с. М. М. Ѳедорова, по разсмотрѣнію проекта устава о несостоятельности, составленнаго сенаторомъ Туромъ. Комиссія начала свои работы еще весной, теперь возобновила ихъ послѣ лѣтняго перерыва.

— **Къ упраздненію института попечителей учебныхъ округовъ.** Газеты сообщаютъ, что новый министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой рѣшилъ въ принципѣ упразднить институтъ попечителей учебныхъ округовъ и всѣ дѣла, касающіяся учебныхъ заведеній, сосредоточить непосредственно въ министерствѣ. Эта мѣра является результатомъ предполагаемой реформы средней школы, такъ какъ, съ введеніемъ въ ней полной автономіи, обязанности попечителя сводятся къ нулю. Назначеніе и увольненіе преподавателей будетъ предоставлено совѣтамъ учебныхъ заведеній. Упраздненіе же этихъ должностей и канцелярій при нихъ облегчитъ государственное казначейство отъ излишняго расхода въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

— **Къ выдачѣ пособій родителямъ запасныхъ нижнихъ чиновъ.** Министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило различнымъ мѣщанскимъ обществамъ, просившимъ пособія для выдачи родителямъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, что вопросъ этотъ былъ переданъ въ особую междуведомственную комиссію. Комиссія, обсудивъ всѣ просьбы, отклонила не только ассигнованія какихъ-либо кредитовъ, въ видѣ безвозвратныхъ пособій, но даже и въ видѣ отпуска безпроцентныхъ ссудъ на это дѣло, изъ-за необходимости возможнаго сбереженія средствъ государственнаго казначейства. Посему министерство лишено возможности полностью удовлетворить ходатайства просителей.

— **Къ арендѣ государственныхъ земель.** Главное управленіе землеустройства и земледѣлія обратилось къ своимъ мѣстнымъ органамъ съ циркуляромъ, въ которомъ указываетъ, что впредь предполагается строже держаться основного положенія, что государственныя земли должны прежде всего служить для удовлетворенія земельной нужды той части населенія, которая испытываетъ наиболѣе острый недостатокъ въ землѣ. Поэтому и аренда этихъ земель должна быть обставлена такими условіями, въ которыхъ она могла бы способствовать дѣйствительному улучшенію экономическаго положенія населенія, содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ подъему производительности крестьянскихъ земель. Въ главномъ управленіи выработана особая программа дѣятельности по арендѣ и продажѣ казенныхъ оброчныхъ статей. Эта программа разсылается на мѣста для возможно широкаго ея обсужденія, не только чинами вѣдомства, но и всѣми интересующимися крестьянскимъ дѣломъ, въ особенности земскими дѣятелями. Въ январѣ же предполагается созвать въ Петербургѣ для разсмотрѣнія полученнаго такимъ образомъ матеріала начальниковъ управленій земледѣлія и государственныхъ имуществъ тѣхъ губерній, въ которыхъ сосредоточивается главная масса государственныхъ земельныхъ участковъ и опытнѣйшихъ изъ надзирателей за казенными землями и оброчными статьями.

По поводу всероссійской политической забастовки.

Корреспондентъ „Нов. Вр.“ А. Ст-нъ въ № отъ 10 декабря пишетъ. Сегодня уже вполнѣ выяснилось, что всероссійская политическая забастовка провалилась самымъ плачевнымъ образомъ. Революціонное правительство, дѣйствовавшее пріемами распорядительнаго Держиморды, къ удивленію своему, увидѣло, что никто не слушается его голосистыхъ приказовъ.

А собственно бы тутъ и удивляться нечему. Одною изъ причинъ удачи первыхъ революціонныхъ попытокъ было то, что народъ, привыкшій къ дисциплинѣ и еще очень живо сохранившій память рабства, послушно покорился властной командѣ, когда она неожиданно раздалась изъ какого-то невѣдомаго мѣста. Но вѣдь это только минутная оторопь русскаго человѣка, который, какъ извѣстно, заднимъ умомъ крѣпокъ. Такъ ужъ много надъ нимъ командовали, что, слыша грозный приказъ, онъ подчасъ и не сообразитъ, откуда идетъ голосъ, а по привычкѣ слушается.

Но если революціонеры разсчитывали, что такъ можетъ продолжаться долго, то они не считались съ логикой.

Нельзя же съ одной стороны убѣждать людей, что они свободны отъ всякой власти и всякаго закона, и тутъ же требовать отъ нихъ слѣпого, неразсуждающаго повиновенія. Такого повиновенія когда-то умѣли добиться іезуиты, раскинувшіе по всему свѣту невидимыя оковы своей власти. Но они и дѣйствовали иначе. Для того, чтобы человѣкъ проникся ихъ повелительнымъ «perinde ac cadaver», повинуйся, какъ трупъ, они съ малыхъ лѣтъ дрессировали людей, какъ дрессируютъ животныхъ въ циркѣ. Они подавляли своихъ воспитанниковъ страшнымъ превосходствомъ ума, учености, желѣзной воли и божественныхъ полномочій, въ дѣйствительности которыхъ они умѣли увѣрить. Они понимали, эти выдержанные люди, что власть ревнива. Кто хочетъ власти и кто добивается быть ея избранникомъ и помазанникомъ, тотъ долженъ отказаться отъ другихъ радостей жизни. Онъ долженъ питаться водой и хлѣбомъ, чтобы въ немъ уважали аскета, онъ долженъ презирать женскую любовь, чтобы его не подточили ни жалость, ни страсть, онъ долженъ быть равнодушенъ къ богатству, потому что деньги это—мелкій прислужникъ на побѣгушкахъ у его строгой богини, у власти, зачаровавшей его пылкое сердце до послѣдняго, смертельнаго вздоха. Онъ долженъ также понять и сознать, что у его избранницы одинъ только страшный врагъ, одна равносильная соперница, за которою обезпечена конечная побѣда, и что имя этой соперницы—Свобода.

Вотъ почему іезуиты гнали свободу. Они смѣло и прямо давили ее авторитетомъ, а такъ какъ человѣческій авторитетъ не въ силахъ задушить свободу, то они зачаровывали робкую мысль людей авторитетомъ Вседержителя Бога и передъ этою силою склонялось ницъ человѣчество въ свободномъ и благочестивомъ порывѣ.

Власть ихъ была тѣмъ крѣпка, что отказъ отъ свободы подвластнаго имъ человѣческаго стада былъ вполнѣ добровольнымъ, сознательнымъ отказомъ, такимъ отказомъ, который наполнялъ души счастіемъ и радостью.

Да, эти люди понимали власть!

Они не стали бы проповѣдывать разнузданность подъ именемъ свободы, потому что, знали, что первые стали бы жертвами этой разнузданности, они не стали бы, какъ Хрусталевъ, завтракать у Кюба или, какъ главари почтовой забастовки, ужинать въ московскомъ Эрмитажѣ, потому что знали, какъ голодная толпа отнесется къ этому жалкому чревоугодію, они берегли бы каждую копѣйку революціоннаго фонда и удержались бы отъ искушенія переводить эти трудовыя деньги на текущіе счета своихъ женъ, чуть только изъ грошей набирается крупная сумма.

Мелкіе люди, бѣгущіе за событіями, наши революціонеры воображаютъ, что стоятъ во главѣ громаднаго стихійнаго переворота. Они сильны только въ своихъ похотяхъ и одною изъ этихъ похотей является похоть власти, но это не настоящая жажда власти. Такъ не любятъ и такъ не добиваются взаимности.

Операція.

Снова рана на ногѣ открылась, и обильно стала выдѣляться матерія т. е. гной. Мнѣ посовѣтовали сдѣлать „выскабливаніе“... Безъ хлороформа? содрагаясь, спросилъ я. Докторъ выслушалъ меня. Водку пьете?.. Я отрицательно повелъ головой.—Гм. подъ хлороформомъ... На завтра, ровно въ половинѣ двѣнадцатаго я зашелъ въ операціонную комнату, гдѣ находились уже двое студентовъ и трое фельдшерицъ... „Ну-съ, молодой человѣкъ, не стѣсняйтесь и раздѣвайтесь“, обратился ко мнѣ старшій изъ студентовъ.—„Что же, дѣло житейское“, не совсѣмъ удачно отвѣтилъ я и сталъ раздѣваться. Фельдшерицы отвернулись и начали возиться у шкапа съ инструментами. Студенты стояли у стола. Скоро я сбросилъ съ себя все и остался въ одной рубахѣ... влѣзъ на столъ и прикрылся простыней. Одна изъ фельдшерицъ быстро намылила мнѣ ногу и бритвой стала чистить ее, потомъ еще разъ намылила... Вошелъ операторъ... Пристально глядя на меня, онъ нѣсколько секундъ не сводилъ съ меня взора, и я не могъ отвести своихъ глазъ... „Спите“ громко сказалъ операторъ... и подошелъ къ умывальнику. Я засмѣялся... Потомъ я вытянулся, и мнѣ закрыли лицо маской. „Дышите поглубже“ услышалъ, я и по голосу узналъ, что говоритъ студентъ, совѣтовавшій мнѣ не стѣсняться. Я сталъ вбирать въ себя хлороформъ... Мысли одна полѣнѣе другой роились въ мозгу.. словно острыми иголками ковыряли тамъ.. Сладковатый вкусъ хлороформа, который я ясно ощущалъ, сперва былъ пріятенъ, но все болѣе и болѣе становился невыносимымъ... Я сталъ задыхаться... Чьи то невѣдомыя руки обхватили меня, подняли въ безвоздушное пространство и начали раскачивать все сильнѣе и сильнѣе, быстрѣе и быстрѣе... Блаженное чувство небытія овладѣло всѣмъ моимъ существомъ и я погрузился въ міръ, какъ будто, загробный... ...Я очнулся въ большой, свѣтлой комнатѣ и первое, что я вспомнилъ было: половина двѣнадцатаго... въ половинѣ 12-аго я вошелъ въ операціонную комнату..

Голова была налита свинцомъ, вѣки не подымались, боли не было, было какое-то безсиліе... Я сдѣлалъ надъ собой усиліе—поднялъ вѣки и обвелъ мутнымъ взоромъ комнату... Я лежалъ въ больничной палатѣ—это я сообразилъ, видя больныхъ на другихъ койкахъ... Около меня сидѣла сестра моя и клала мнѣ въ ротъ кусочки льда съ блюдечка, которое было у нея на колѣняхъ. Я снова обвелъ палату уже болѣе просвѣтлѣвшимъ взглядомъ и.. замеръ отъ ужаса... Я увидѣлъ, что часы показываютъ половину седьмого и мысли о смерти, страшныя мысли, обуяли меня: половина 12 аго... половина 7 ого... семь часовъ... Неужели 7 часовъ былъ подъ парами хлороформа?.. Значитъ,—промелькнуло у меня,—меня не могли добудиться, и теперь только я пришелъ въ себя, чтобы снова уснуть.. навѣки!... И отъ этихъ мыслей я помертвѣлъ... Я долго лежалъ съ сомкнутыми глазами, безъ всякой мысли, безъ попытки шевельнуть мозгами... Снова открылъ я глаза и прямо предъ собой увидѣлъ часы, которые показывали... половину 7-ого... минуту смотрѣлъ я на большую стрѣлку—она не двигалась—и я понялъ, что часы стоятъ... Мнѣ стало смѣшно.. и весело .....

Самойло Самойловъ.

Театръ и музыка.

Городской театръ.

„На днѣ“ Горькаго.

Архи—модная и сверхъ—современная пьеса эта, уснащенная и отдѣльными блестками—фразами, мѣткими, проникающими въ душу и, въ то же время, массой ходульнаго, фальшиво-идеальнаго поставлена была товариществомъ драматическихъ артистовъ въ воскресенье, 11-го декабря. Изъ дѣйствующихъ лицъ персонала труппы—выгоднѣе всѣхъ выдѣлялся г. Ячменниковъ, въ роли старца Луки, давшій по истинѣ великолѣпный типъ старика изъ „бродячей Руси“, каждое слово котораго дышало богатымъ житейскимъ опытомъ, безобиднымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и глубоко пессимистичнымъ русскимъ юморомъ... Недурны были и г.г. Истоминъ и Смецкій; первый—въ роли Васьки-Пепла, и второй—въ роли „барона“. По умининіи, затѣмъ, о выдержанной манерной игрѣ г. Яснскаго, остается констатировать крупную „искорку“ и въ игрѣ молодого любителя Мигайло, высказавшаго недурныя способности. Что же касается женскаго персонала, то можемъ отмѣтить г-жу Сыркину, умудрившуюся, даже при не блестящемъ исполненіи роли Василисы, покорить симпатіи публики, благодаря подкупающей дикціи и стильности манеръ.

И. Мир..

Народный театръ.

„Рабочая слободка“.

„Рабочая слободка“, эта популярная, пьеса, поставленная въ воскресенье 11 декабря, привлекла почти полный театръ публики и прошла съ хорошимъ ансамблемъ. Картина завода производила сильное впечатлѣніе и была поставлена жизненно и красиво. Изъ исполнителей должно отмѣтить К. Д. Голбана въ роли Ѳедора Ластовкина, проведшаго эту роль ровно и съ сильнымъ подъемомъ, И. И. Ольгина въ роли Сургучева, Л. И. Ліоренцевича въ роли Вавилы, съ естественнымъ юморомъ передавшаго типъ пьянчужки, И. Г. Рахманова, давшаго прекрасный типъ въ роли Пимена. Изъ исполнительницъ хороша была М. П. Кугушева въ роли Арины и, если бы не чрезмѣрная аффектація въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, впечатлѣніе было бы сильнѣе. Г-жа Полянская ужъ чрезчуръ сгустила краски: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея игра отдавала вульгарностью, что все цѣло должно быть отнесено къ невниманію режиссера..Обязанность исполнителя—смягчать рѣзкости данной роли, а не подчеркивать ея отрицательныя стороны, права же режиссера—внушать исполнителю границы творчества... Въ общемъ же спектакль произвелъ прекрасное впечатлѣніе.

Зритель.

СМѢСЬ

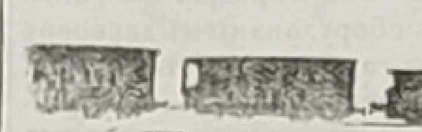
Польза старыхъ дѣвъ—«Только старымъ дѣвамъ,—утверждаетъ Томасъ Генри Гувели, знаменитый англійскій физіологъ:—обязана Англія своимъ сильнымъ и здоровымъ поколѣніемъ. Англичанинъ черпаетъ силу изъ хорошаго мяса, превосходнаго скота. Послѣдній, большею частью, тучнѣетъ отъ краснаго клевера. Для лучшаго преуспѣванія краснаго клевера необходимо частое посѣщеніе шмелей. Къ сожалѣнію, жизни шмелей угрожаетъ опасность отъ полевыхъ мышей. Но кто уничтожаетъ полевыхъ мышей? Кошки. А кто лучше всего воспитываетъ кошекъ? Старыя дѣвы». Такимъ образомъ Англія своимъ здоровымъ, сильнымъ поколѣніемъ обязана старымъ дѣвамъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Сѣнно. И. М. С—скому. Присылайте.

Околица Селище. К. П. Не контролируя начальника и служащихъ почтовыхъ отдѣленій, не можемъ утвердительно сказать, вездѣ ли въ нихъ вскрываютъ и перечитываютъ частную корреспонденцію, какъ это дѣлается, по вашему убѣжденію, въ почтовомъ отд. м. Татарска.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Желѣзныя дороги.

(Зимнее движеніе съ 15-го октября).

I.

ЖЛОБИНЪ—МОГИЛЕВЪ—ПЕТЕРБУРГЪ.

а) почтово-пассажирскій.

Жлобинъ
Прих. изъ Минска и Вильны въ 3 ч. 33 м. дня.
Прих. изъ Гомеля и Бахмача въ 2 ч. 46 м. дня.
Жлобинъ отх. 9 ч. 10 м. ночи.
Могилевъ прих. 12 ч. 14 м. дня.
Могилевъ отх. 12 ч. 30 м. дня.
Орша прих. 2 ч. 21 м. дня.
Отх. на Смоленскъ и Москву 3 ч. 16 м. дня.
Отх. на Минскъ и Брестъ 2 ч. 46 м. дня.
Орша отх. 2 ч. 40 м. дня.
Витебскъ прих. 4 ч. 40 м. дня.
Отх. на Двинскъ и Ригу въ 5 ч. 10 м. дня.
Витебскъ отх. 5 ч. 30 м. вечера.
Дно прих. 1 ч. 35 м. ночи.
Петербургъ прих. 8 ч. утра.

б) товаро-пассажирскій.

Жлобинъ
Прих. изъ Минска и Вильны 3 ч. 33 м. дня.
Прих. изъ Гомеля и Бахмача 2 ч. 46 м. дня.
Жлобинъ отх. 4 ч. 45 м. дня.
Могилевъ прих. 8 ч. 47 м. ночи.
Могилевъ отх. 9 ч. 3 м. ночи.
Орша прих. 11 ч. 32 м. ночи.
Отх. на Смоленскъ и Москву въ 5 ч. 58 м. утра.
Отх. на Минскъ и Брестъ въ 11 ч. 44 м. дня.
Орша отх. 11 ч. 47 м. ночи.
Витебскъ прих. въ 2 ч. 20 м. ночи.
Витебскъ отх. въ 2 ч. 40 м. ночи.
Дно прих. въ 11 ч. 46 утра.
Петербургъ прих. въ 7 ч. 15 м. вечера.

II.

ПЕТЕРБУРГЪ—МОГИЛЕВЪ—ЖЛОБИНЪ.

а) почтово-пассажирскій.

Петербургъ отх. 10 ч. ночи.
Дно прих. 4 ч. 2 м. ночи.
Витебскъ прих. 12 ч. 30 м. дня.
Витебскъ отх. 1 ч. 30 м. дня.
Орша прих. 3 ч. 42 м. дня.
Прих. изъ Смоленска и Москвы въ 2 ч. 26 м. дня.
Прих. изъ Минска и Бреста въ 2 ч. 56 м. дня.
Орша отх. 4 ч. — дня.
Могилевъ прих. 5 ч. 50 м. вечер.
Могилевъ отх. 6 ч. 7 м. вечер.
Жлобинъ прих. 9 ч. 10 м. веч.
Отх. на Минскъ и Вильно 1 ч. 54 м. ночи.
Отх. на Гомель и Бахмачъ въ 9 ч. 36 м. вечера.

б) товаро-пассажирскій.

Петербургъ отх. въ 10 ч. 30 м. утра.
Дно прих. въ 5 ч. 34 м. вечера.
Витебскъ прих. въ 3 ч. 40 м. ночи.
Витебскъ отх. 4 ч. 30 м. ночи.
Орша прих. 7 ч. 25 м. утра.
Орша отх. 7 ч. 45 м. утра.
Могилевъ прих. 10 ч. 28 м. утра.
Могилевъ отх. 10 ч. 55 м. утра.
Жлобинъ прих. 2 ч. 45 м. дня.
Отх. на Минскъ и Вильно въ—3 ч. 3 м. дня.
Отх. на Гомель и Бахмачъ въ—3 ч. 45 дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

За редактора **Н. Дыджакосъ.**

Дозволено цензурою 14 декабря 1905 г.

Этотъ номеръ отданъ на почту и разносчикамъ 15 декабря въ 1 ч. дня.

Губ.гор. Могилевъ. Типографія губернскаго Правленія.